

Предисловие

Я всегда думала, что моя тетя Эдна, ну, на самом деле, моя двоюродная бабушка Эдна, поскольку она сестра моей бабушки, была туго накрученным чудаком, если воспользоваться словом, которое какое-то время ходило по шестому классу. Ее волосы были собраны в одну из этих завитых/переплетенных куч на голове, ее одежда с застегнутой на шее блузкой и едва заметной лодыжкой, ее общее отсутствие показных украшений, и вся ее манера поведения "я такая святая". Не говоря уже о том, что дядя Джон был проповедником, известным своими старомодными проповедями "огонь и сера".

Мне всегда нравилась энергетика их церкви "Друзья во Христе Спасителе": стук, пение, он весь красный и кричит "HALLELUJAH". Тетя Эдна сидела в первом ряду и вскидывала руки вместе с остальными. И пела. Боже, у нее был голос, который своей чистотой и силой заставлял вспомнить Грейс Слик.

Лето в этом маленьком городке так отличалось от моей городской жизни. Это было похоже на то, как будто я была в расширенном летнем лагере. Я научился плавать в 8 лет в муниципальном бассейне, и там я был по крайней мере 6 дней в неделю, если только не становилось холодно. Я научился стрелять в 10 лет у дяди Джона, а затем пить виски в старом пикапе в 14 лет у моего дяди Чета. В общем, все было очень круто.

Когда в 16 лет у моей матери отказала печень, я не был уверен, отправят ли меня жить к кому-то из них или я просто стану заниматься преступной жизнью, к чему я явно шел. Но судьба, или отцовский инстинкт, вмешалась, и мой отец, которого я не видел, наверное, 8 лет, появился и забрал меня обратно в Чикаголенд. Из единственного ребенка я попал в ситуацию, когда я был одним из пяти братьев. Но я выжил, окончил среднюю школу, что меня несколько удивило, а затем поступил на службу в ВВС.

Я служил в ВВС четыре года. Один год был в Техасе, в технической школе. Затем три года на севере Японии. Я вел переговоры с Агентством национальной безопасности (да, именно АНБ) о работе, но решил, что лучше пойду в школу.

Так я снова оказался в маленьком городке Колорадо.

Глава первая

Я чувствовал себя глупо, когда стучал в дверь. Я всегда была вольна приходить и уходить, когда мне заблагорассудится. Но вот уже шесть лет я не видел никого из этих людей, и я подумал, что лучше бы мне помнить о своих манерах. Постучав, я отошел и стал ждать.

Когда она появилась в дверях, она буквально не изменилась. Она была одета в темное платье с мелким рисунком на материале. Воротник был застегнут на шее, а платье спускалось ниже икр. А волосы, эта чудесная копна волос на ее голове была все тем же странным сочетанием нескладности и сексуальности, которое я всегда находил в ней.

Я увидел зарю узнавания, а затем она распахнула дверь и оказалась в моих объятиях, обнимая и целуя меня, и, черт возьми, мне не пришлось изворачиваться, чтобы моя внезапная эрекция не стала очевидной.

"ДЭВЕЙ, - сказала она, отступая назад, чтобы посмотреть на меня, и вдруг сильно ударила меня по плечу, - ПЯТЬ лет без единого ПИСЬМА?!"

Я попытался выглядеть овечкой, что было несложно, поскольку я чувствовал себя овечкой.

"Мне жаль", - сказал я, глядя ей прямо в глаза, чтобы она знала, что я не лгу, - "Я должен был написать, я знаю, но это было, ну, вы знаете, не лучшее время".

Она начала что-то говорить, но я поднял руку.

"Тетя Эдна, - сказал я, все еще не сводя с нее глаз, - я был засранцем, и мне ужасно жаль. Пожалуйста", - и я взял обе ее руки в свои, - "примите извинения известного засранца".

Как я и надеялся, это вызвало улыбку, ее чудесную широкую улыбку, показывающую слегка прорезавшиеся передние зубы, которые делали ее просто красивой и не давали ей быть по-настоящему красивой.

И вдруг на ее глаза навернулись слезы, и она оказалась в моих объятиях, тихо плача у меня на груди. Я обнял ее, мои руки лежали на ее спине, нежно поглаживая. Я понятия не имел, почему она плачет, но она явно нуждалась в утешении, и, честно говоря, я был немного влюблен в нее в детстве.

Когда буря прошла и она снова посмотрела на меня, глаза красные, тушь и макияж размазаны, нос заложен, я не удержалась и поцеловала ее в губы, а затем снова взяла ее на руки.

"В чем дело, тетя Эдна?" спросил я.

Она вроде как засмеялась/кашлянула, и я почувствовал влагу на своей груди.

"Твоя тетя - сумасшедшая старуха, вот в чем дело", - сказала она, слегка хихикая у меня на груди.

Мы стояли так несколько минут, пока она плакала. И это было даже приятно. Густая грива ее волос была немного жесткой от спрея, который она использовала, чтобы удержать их на месте. И, честно говоря, мне нравилось, как мы подходим друг другу.

Когда буря прошла и она перестала плакать, она отвернулась, пряча лицо.

"О Боже, не смотри на меня, Дэйви, но зайди и присядь, пока я приведу себя в порядок", - сказала она.

Я усмехнулся, подхватил свой вещевой мешок и последовал за ней в дом. Пока она шла в ванную, я пошел в спальню, которой всегда пользовался, и бросил свою сумку на кровать. Затем я совершил набег на ее холодильник (так она называла ящик со льдом) и достал стакан холодного чая, который, как я знал, должен был там быть, и маленькую посуду Tupperware с нарезанным луком и огурцами в уксусе, которые, как я знал, тоже должны были там быть. Я сидел за ее кухонным столом, рассеянно слушал по радио денверскую радиостанцию КОА, пил чай, выбирал ломтики огурца и кольца лука и чувствовал себя так, будто мне снова 13 лет.

Когда она вошла на кухню, ее лицо было вымыто, а волосы, что удивительно, уложены. Они были впечатляющими: густые, светло-каштановые, с сединой, свисали до половины спины. Она вымыла лицо, но не стала краситься, и я подумала, что она выглядит лучше, чем покрашенная.

Я улыбнулся и сказал: "А теперь, может, расскажешь мне, что это было?".

Она слабо улыбнулась.

"О, ничего, кроме глупостей, Дейви", - сказала она.

"Я не знаю, что я когда-либо видел, чтобы ты плакала до тети Эдны", - сказал я, - "так что давай".

"О, я просто глупая старуха, вот и все. Просто мне жаль, что ты не смогла помириться с Джоном. Он был зол на тебя до самого конца", - сказала она.

Я была ошеломлена. Я не задумывалась об этом, но решила, что тете Эдне и дяде Джону было максимум за 60. А он всегда был одним из тех больших, солидных, постоянных людей. Мне было трудно смириться с мыслью, что он умер.

"Когда? Что? Боже. Я не знал", - заикался я.

Она слабо улыбнулась мне и сказала: "Проклятый дурак получил удар током".

"О Боже", - сказал я, - "мне очень жаль".

И она издала этот свой горловой смешок. "Это не твоя вина, Дэйви. Я говорила ему, что он слишком стар, чтобы лазить по этим столбам, но разве этот дурак меня послушал? Нееет", - и то, как она это сказала, рассмешило меня, а это рассмешило ее, и мы сидели там, смотрели друг на друга и смеялись, как пара идиотов.

Я наконец-то взял себя в руки, и она тоже.

"Спасибо, Дэйви", - сказала она, все еще подавляя хихиканье, - "мне это было необходимо".

Когда важные новости были убраны с дороги, мы сидели, разговаривали и вспоминали. Я узнала, как обстоят дела у остальных членов семьи. Кузина Марджи была замужем, развелась, вышла замуж и развелась, и теперь она мать-одиночка с четырьмя детьми, живущая в двух городах отсюда. Кузина Бевви была городским клерком. И так далее по списку.

Вскоре я понял, что уже стемнело.

"Пойдемте, - сказал я, - давайте я приглашу вас на ужин. Может быть, я напою тебя и воспользуюсь тобой".

Она хихикнула и сказала: "Дай мне десять минут, милый".

У нее ушло 15 минут, но оно того стоило. Она была видением. Волосы и лицо идеальны. Ее блузка была застегнута на все пуговицы, но с кружевной отделкой, а юбка была лишь немного ниже колен. К моему изумлению, на ней были туфли на высоком каблучке, и они очень украшали ее ноги.

Я открыл ей дверь, и мне понравилась ее улыбка, когда она увидела мою маленькую машину. Синий PT Cruiser Convertible - веселый и довольно разумный. Я протянул руку, когда она села на пассажирское сиденье, а затем рысью направился к водительской стороне.

"Верх опущен?" спросил я, садясь в машину, и она усмехнулась.

"Конечно", - сказала она и слегка хихикнула, когда я перевернул и повернул ручку отпирания и нажал на переключатель, чтобы опустить верх. И она громко рассмеялась, когда включилось стерео, и моя радиостанция I Heart Radio включила Дион и Бельмонтов, исполняющих Runaround Sue. Когда Лесли Гор начала песню You Don't Own Me, она начала подпевать, и ее голос покорила меня.

Я повел ее в единственный ресторан в городе, и когда мы вошли в дверь, ее приветствовали практически все присутствующие. Я с удивлением понял, что узнал некоторых из них, и пока мы шли к столику, к которому нас вела хозяйка, я перекинулся парой слов с несколькими людьми.

Мы сели, я заказал пиво и спросил, не хочет ли она выпить. Я был удивлен, когда она сама попросила пива. Когда она увидела мой взгляд, она сказала "ЧТО?! Дэйви, я впервые вышла в свет за четыре года, думаю, я заслужила пиво".

Я засмеялся и вскинул руки. "No mas," сказал я, хихикая, "кроме того, я сказал тебе, что

собираюсь напоить тебя."

И она захихикала, и в этот момент я увидел 17-летнюю девушку, которой она была в свою брачную ночь.

На ужин была обычная домашняя кухня. Для того чтобы приготовить что-нибудь причудливое, нужно было ехать как минимум в Лимон, а скорее всего, в Денвер.

Было интересно вести с ней "взрослый разговор". В конце концов, я прибежал к ней со своим ушибленным пальцем, когда был ребенком, и мне было всего 16 лет, когда я видел ее в последний раз.

И оказалось, что она была интересным собеседником. Мы разделяли многие взгляды. Наши политические взгляды были схожи, причем она была почти такой же дикой консервативной, как и я. Мы согласились, что неплохо бы всегда держать под рукой пистолет. И мы смеялись. Часто. И часто громко.

Не успел я оглянуться, как мы выпили четыре пива и съели по здоровой порции мясного рулета, а она уже хихикала.

Я рассмеялся, попросил у официантки чек, расплатился и протянул тете Эдне руку, когда мы направились к двери. Она явно была как минимум навеселе. Не падала с ног пьяной, но она была, по крайней мере, "навеселе".

"Итак, - сказал я, помогая ей сесть в машину и садясь сам, - вы хотите еще выпить, или вам уже достаточно?"

Она слегка хихикнула и сказала: "Думаю, моя репутация достаточно пострадала для одной ночи".

Я усмехнулся и направился обратно к ее дому. Она снова подпевала старым песням по радио, и когда я посмотрел на нее, она широко улыбалась, а ее чудесные волосы развевались на ветру.

Я помог ей выйти из машины и держал ее за руку, пока мы шли к ее крыльцу, а затем открыл ей дверь. Это жизнь в маленьком городке, и ничего не было заперто, как обычно.

Внутри она повернулась ко мне и сказала: "Спасибо, Дейви, я прекрасно провела время сегодня вечером".

Я улыбнулся и наклонился, чтобы слегка поцеловать ее.

"И я тоже", - сказал я, задержав ее руку на мгновение. "Это был долгий день, и я думаю, что

мне пора заканчивать".

Я поцеловал ее еще раз и пошел в ванную, сделал свои дела, вымыл руки, почистил зубы и пошел в спальню, которую считал "своей". Я разгрузил чемодан, разложил свою немногочисленную одежду по шкафам и комодам. Затем я достал свой Kindle, выключил свет и начал свой "процесс" отхода ко сну.

В качестве первого шага я начал читать текущий роман Джека Ричера, "The Killing Floor", если это имеет значение. Джек был как всегда плох, а плохие парни шли ко дну. Я встал и пошел в ванную во второй и последний раз, завершив эту часть моего "процесса", а затем вернулся в кровать, лег на другой бок и читал, пока не начал засыпать.

Я не столько услышал ее, сколько осознал, что она стоит в дверях.

Свет был выключен, но между отраженным уличным светом и различными огнями, проникающими в комнату, я мог видеть ее, стоящую там в фланелевой ночнушке, которая закрывала ее от горла до лодыжек.

"Что случилось?" спросил я, оторвавшись от книги и сморгнув сон с глаз.

Она сделала нерешительный шаг в комнату, и я увидел, что она снова плачет.

Я встал и подошел к ней. Наверное, это хорошо, что я сплю в одних трусах.

"Что случилось?" спросил я, взяв ее на руки.

Она не поднимала на меня глаз.

"Дэйви, - тихо сказала она, прижимаясь к моей груди, - можно я буду спать с тобой?"

Когда я несколько секунд молчал, она сказала: "Мы не должны ничего делать, если ты не хочешь".

Я не смог удержаться от легкой усмешки на это.

"Ты говоришь так, будто "делать что-то" с тобой - это "обязанность", - сказал я, - и это не так. Но пойдем со мной и присядем на минутку".

Я привел ее на кухню и сел напротив нее за стол, протянув руку и взяв ее руки в свои.

"Как ты думаешь, чего ты хочешь?" спросил я.

Она наконец-то встретила с моими глазами.

"Боже, Дейви, я не знаю. Это не то чтобы я планировала это или что-то в этом роде", - и она посмотрела на меня со слезами, текущими по ее щекам.

Я сжал ее руки и сказал: "Ладно, вот в чем дело. Сегодня мы с тобой спим вместе, и ничего не случится. Мы поговорим завтра, когда оба будем трезвыми, и решим, что будет, если будет".

Я усмехнулся, встал и помог ей подняться на ноги, а затем повел ее на большую пуховую перину в ее спальне. Я держал ее за руку, пока она укладывалась в постель, а затем обошел ее и забрался рядом с ней. Я прижался к ней и обнял ее, слегка целуя ее слезы. Мы отлично подходим друг другу, подумал я, и, устраиваясь поудобнее, слегка поглаживая эту чудесную гриву ее волос, я почувствовал, как она улеглась, и вскоре она уже тихонько похрапывала.

Я никогда раньше не спал с женщиной в своих объятиях, но это было естественно, и вскоре я сам задремал.

<http://erolate.com/book/1569/48325>